

НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Беслан-22

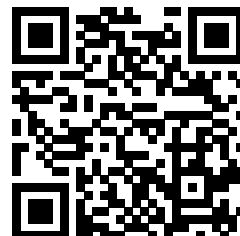
Всё, что напоминает стране о трагедии, — иммерсивный музей и Фатя Дзгоева

12:31, 3 сентября 2026,

Ольга Боброва

редактор отдела спецрепортажей

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Беслан. Школа №1. Сентябрь 2016. Фото: Елена Костюченко*/ «Новая газета»

Во вторник Лана Хаткарова из Беслана прислала мне короткое видео. Фатя, ее племянница, с алыми гвоздиками заходит в сгоревший зал первой школы. И следом — еще одно: Фатя нынешняя пристально смотрит в объектив, ну а дальше идут ее детские фото. Снятые еще до. А также фото и видео ее взросления, ее тяжелого взросления.

Вот мама Жанна обнимает крохотную забинтованную девочку, лежащую на больничной койке, вот Фатя сидит в инвалидной коляске и смеется.

Про Фатю мы много писали, про нее вообще много кто писал и снимал.

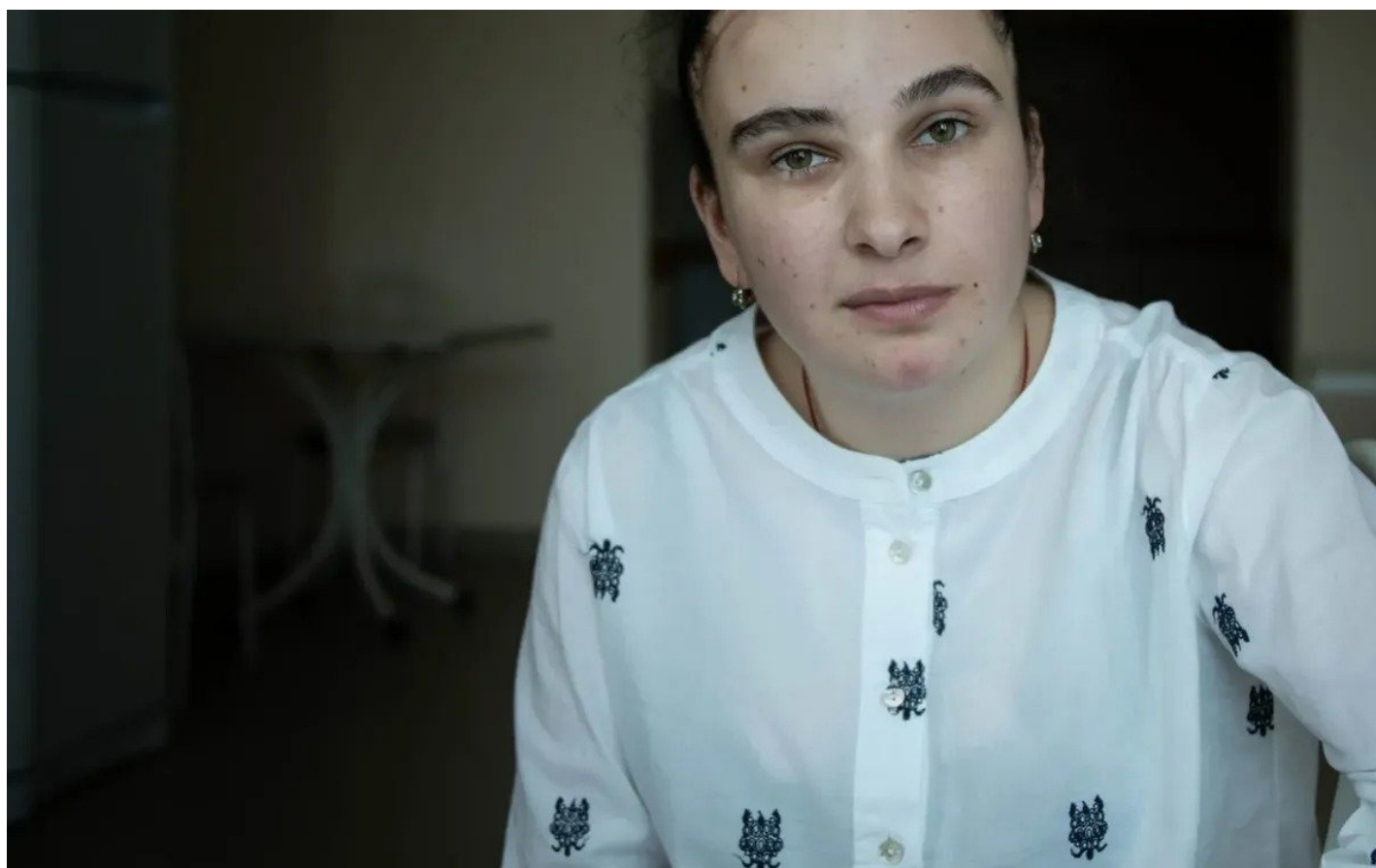
1 сентября 2004 года она вместе с сестрой Залиной оказалась в числе заложников в первой бесланской школе. Фате было 10 лет, а Залине — восемь. В ходе штурма третьего числа сестра сторела в спортзале. А Фатя выжила, хотя и получила тяжелые

ранения. Несовместимые с жизнью, как тогда казалось многим. Она пробыла в коме три недели, ростовские врачи из титановых пластин сумели воссоздать кости черепа. Однако все функции мозга, понятно, вернуть не смог бы даже бог.

После ранения она практически перестала расти. И взрослеть. Словно замерла в возрасте десятилетней девчонки.

Сегодня Фате тридцать два. И она живет, и это чудо. Она видит этот мир, она общается с ним.

Она отлично помнит прошлое.

Фатя Дзгоева. Фото: Виктория Одиссонова / «Новая газета»

Эти походы в сгоревшую школу в первые дни сентября — ежегодный Фатин ритуал. Да и не только Фатин, но и всего Беслана. С первого числа, когда случился захват школы, люди идут с сюда с цветами; идет и Фатя, приволакивая ногу. Ну а третьего числа здесь проходят официальные траурные мероприятия. Звучат речи, люди утирают слезы, тикает

метроном, в небо выпускают шары.

После 2004 года на протяжении многих лет родители погибших детей устраивали вахту памяти в стенах школы: просто сидели в том самом спортзале, где погибли их дети, 52 часа. Ровно столько длилась та пытка. Так они старались не дать самим себе и большой России забыть про то, что случилось в Беслане в начале сентября 2004 года.

Это был повод напоминать стране про ту правду, которую они выяснили — и которую государство стыдливо не признало.

Долгие годы — через митинги, пикеты, через иски в Европейский суд они пытались сделать эту правду о трагедии общеизвестной, а государство, наоборот, пыталось ее затоптать.

Это потом такое уже вошло в норму, а тогда это нас еще удивляло: как же так — не дают сказать правду?!

В последние годы, уже в начале 10-х, родительская вахта проходила под мощным присмотром ФСБ; домой к самым заметным участницам приходили сотрудники, проводили с ними беседы. Устраивали мелкие неприятности в рамках административного кодекса.

Ну и понятно, теперь эта вахта уже не проводится. Она просто невообразима в нынешних условиях.

Да и первой школы больше нет. Вместо нее — Международный культурно-патриотический центр профилактики терроризма «Беслан. Школа № 1». Иммерсивный музей. С мультимедийными компонентами.

Бесланская трагедия музеефицирована.

Я скажу страшную вещь, которая, мне казалось, никогда с нами не случится, а она случилась. Про Беслан забыли. Даже мы в редакции на понедельничной планерке не вспомнили про Беслан. Хотя, казалось бы, он так надежно вплетен в наш кору. Основа основ, фундамент, ДНК и всё такое. Но вот не обсуждали. Да даже в самой Осетии этот трагический день уже не сильно более трагический, чем соседние даты в календаре. Он тоже музеефицирован.

Так устроена человеческая психика: она не терпит бесконечного страдания. В какой-то момент у нас просто выбивает пробки — просто чтобы напряжение не стало чрезмерным и не погорели наши душевные микросхемы.

Родители погибших детей годами охраняют в себе эту священную боль, по знаковым датам сдирая корку со своей раны. «Сейчас бы уже институт окончила...». «Уже женился бы, наверное...»

Однако даже в их жизни, часто посвященной одной только памяти, потихоньку прорастает действительность. А что уж говорить про нас — про всех, кого Беслан напрямую не коснулся.

Мы обсуждаем премьеру «Колобка» и сборы детей в школу. Терпеливо выстаиваем очередь за бензином. Удивляемся ценам и новым прилетам.

Правда Беслана известна. Правда Беслана забыта. Беслан давно уже у нас не болит так, как болел первые годы. Сначала просто чуть выцвел, стал цвета сепии, как в старом кино, потом словно

затуманился, а теперь и вовсе бережно упакован в коробочку и убран куда-то подальше. Вместе с той правдой, которую страна так и не признала и так и не сделала из нее выводов.

Хотя — я себя как бы ставлю сейчас на место страны — чего вы еще хотите? Деньги-квартиры пострадавшим раздали, музей отстроили. Той же Фате по федеральной программе два миллиона рублей в год выделяется с прошлого года на лечение. Мало, что ли, этого?

Фатя Дзгоева с мамой. Фото: Виктория Одиссонова / «Новая газета»

Ну, вообще говоря, мало.

Шунт, вставленный в Фатин мозг и регулирующий давление в нем, постоянно надо обслуживать, как-то регулировать, поднастраивать под меняющееся Фатино состояние. Под страшные эпи-приступы, которые появляются внезапно и делают ее жизнь невыносимой из-за боли. Шунт в Фатиной

голове стоит хороший, немецкий. В России врачи тоже готовы были поставить, но без гарантий, что Фатя выживет. Так что шунт немецкий.

Ставили в то время, когда словосочетание «наши европейские партнеры» еще воспринималось буквально. И вот каждый год Фате надо летать в Берлин, в клинику «Шарите», чтобы там подкручивать-поднастраивать этот шунт. Это и прежде было нелегко (потому что деньги). Но теперь каждый раз эта поездка превращается на настоящий челендж по покорению Европы. Вот и в этом году: 24 апреля Лана прилетела в Москву, чтобы подать документы на получение виз за себя и за Фатю — по доверенности. Но выяснилось, что отпечатки пальцев, которые они сдавали в прошлом году, теперь стали какими-то нечитаемыми, надо пересдавать. То есть Фате надо прилетать из своего Беслана в Москву.

Шумные, душные, многолюдные аэропорты, многочасовые задержки из-за беспилотной опасности, и посреди всего этого — девочка-инвалид, у которой постоянные болезненные приступы, которой нужно добраться до Германии, чтобы подкрутить этот гребаный шунт.

И вот — отпечатки пришли в негодность, надо пересдавать. «По-другому никак», — разводят руками в визовом центре. «По-другому никак», — разводят руками наши равнодушные друзья, к которым мы всякий раз обращаемся с просьбой в индивидуальном порядке снизить для Фати требования холодной европейской бюрократии.

В прежней, понятной и предсказуемой действительности можно было бы разораться: что же вы, господа европейцы, не отделяете зерна от плевел, уходите от своих хваленых гуманистических принципов?

Но боже, какие зерна, какие плевелы!.. Какая вообще нормальность... Ничего этого больше нет.

И храбрая Лана через жару, через усталую раздраженную толпу, через объявления о налете дронов тащит Фатю в Москву. Чтобы сдать отпечатки. А потом через все эти испытания везет ее обратно. Не унывает: «Паспорта, правда, пока не готовы, но это ничего».

А потом пишет уже из Германии: «У нас прогрессируют приступы. Есть ли кто-то еще, кто бы помог, чтобы нам ухватить еще чуток реабилитации?».

И мы рассылаем учтивые письма всем, кто прежде выражал намерение помогать, и письма эти остаются без ответа. Но Лана и тут не грустит: «Всё в порядке у нас. Лечение, реабилитация... Реабилитации мы ухватили, правда, не очень много, но...»

Тех двух миллионов, что с прошлого года выделяет государство Фате на реабилитацию, конечно, не хватает. Счет германской клиники на обследование составил 13 тысяч евро. На реабилитацию (которой Фатя в этот раз «ухватила не очень много») — еще 20 тысяч.

То есть больше миллиона рублей Фатиной семье теперь придется искать самостоятельно. Да и госпрограмма с выделением двух миллионов тоже не бесконечна, а рассчитана только до 2030 года. Как будто после этого Фатя абсолютно

выздоровеет.

Даже спустя столько лет находятся те, кто поддерживает Фатю и ее семью, дает деньги на лечение. Чего только не было за эти годы! Телемарафоны, обращения к партиям и к богатым людям... Времена сейчас у всех непростые, и то, что у благотворителей падает энтузиазм, тоже легко понять. Наш мозг ориентирован на подкрепление, а подкрепление — это достижение очевидного, зримого результата. Но в случае в Фатей всё очень сложно.

Думаю, многих из тех, кто хотел бы помогать, кто помогает, накрывает ощущение бессилия, бессмысленности потраченных усилий. Хоть это и не так, конечно: именно эта помощь помогает Фате на время выныривать из моря бесконечной боли. А вместе с ней — и ее семье.

Фатя Дзгоева с мамой. Фото: Виктория Одиссонова / «Новая газета»

В психологии есть феномен, который называется «утрата без потери». Он описывает состояние матерей, у которых ребенок родился инвалидом, в сравнении с теми эмоциями, что переживают матери, похоронившие своего ребенка. Оказывается, что вторые в психологически более выигрышном состоянии. Как бы чудовищно это ни звучало.

Дело в том, что смерть — это штука окончательная и бесповоротная. Она не дает ложных надежд, постепенно, не сразу, но она успокаивает материнскую биохимию. И даже самая лелеемая боль по утрате ребенка с годами перестает быть такой яркой, как поначалу. Такими нас устроила природа. Но совсем другое, когда твой ребенок — инвалид. Когда тебя годами не отпускает звериная, роддомовская пролактиновая даже не любовь, а страсть к этому подросшему, но такому беззащитному детенышу. Но и похоронить, оплакать и отпустить своего несбывшегося, нарисованного в мечтах ребенка ты не можешь.

В случае с Фатей, мне кажется, всё еще страшнее. Потому что до 3 сентября 2004 года она была абсолютно обычной девочкой, которую ждала самая обычная судьба. И сравнение с несбывшимся для ее родных зримо, ведь они уже успели заглянуть в то «неслучившееся».

В этом аду Фатя и ее семья варятся вот уже 22 года.

И всё же Фатя живет. Со своими приступами, со своим немецким шунтом — живет. Сквозь ковидные ограничения, визовые запреты, вопреки всем законам природы — живет. И всем нам напоминает о том, что случилось в Беслане 1–3 сентября 2004 года. О том, какое историческое, даже пророческое значение имеет это всё для России.

Думаю, вселенная неспроста оставляет эту дверь в прошлое приоткрытой.

P.S. Материалы расследования бесланцев об обстоятельствах гибели 333 заложников и посвященные ему публикации «Новой газеты» вы можете найти на нашем сайте и на сайте pravdabeslana.ru.

* Внесена властями РФ в реестр «иноагентов».